

К. Прантль, Г. Фреге и номинативная теория предложений

В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

surovtsev1964@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о влиянии логики стоиков на логико-семантическую теорию Г. Фреге. Утверждается, что такое влияние связано с неверным пониманием логики стоиков К. Прантлем, сомнительная интерпретация которого сказалась на формировании номинативной теории предложений Г. Фреге. doi: 10.52119/LPHS.2024.18.73.013.

Ключевые слова: логика стоиков, Г. Фреге, К. Прантль, номинативная теория предложений.

Силлогистика Аристотеля и логика высказываний стоиков являются двумя совершенно различными системами с отличающимися подходами к пониманию характера и структуры логического вывода. В работе по истории логики высказываний Я. Лукасевич утверждал, что принципиальное различие между двумя античными системами логики заключается в том, что в силлогизмах стоиков переменные являются переменными высказываний, а в аристотелевских силлогизмах — переменными имён [1, S. 113]. Это принципиальное различие игнорировалось до Г. Фреге, который в своих работах переоткрыл логику высказываний. С таким подходом солидарны другие историки логики [2; 3].

Эта точка зрения была пересмотрена в статье [4], авторы которой утверждают, что речь о рецепции идей стоиков в построениях Г. Фреге всё же может идти. Концепции стоиков, особенно в области логической семантики, могли быть известны Г. Фреге через посредство коллеги по университету профессора Р. Гирцеля. Ещё более радикальную версию высказала С. Бобзиен, которая считала, что идеи Г. Фреге представляют собой не просто рецепцию, но даже плагиат, быть может не вполне осознанный и невольный [5]. Плагиат С. Бобзиен связывает с предположением, что Г. Фреге был знаком с известной работой по истории логики К. Прантля [6]. Был ли знаком Г. Фреге с работой К. Прантля — доподлинно не известно, но С. Бобзиен попыталась подкрепить свою позицию указанием на параллельные места и прямые заимствования. Впрочем, эта аргументация достаточно сомнительна, на что уже указывалось [7].

Речь должна, однако, идти не столько о плагиате выражений, сколько о плагиате идей. Высказанное утверждение Я. Лукасевича, с чем согласен, к примеру, Б. Мейтс [2], заключается в том, что К. Прантль совершенно неверно понял и изложил логику стоиков. Это связано с тем, как последний интерпретировал сложные высказывания и силлогизмы стоиков. В частности, при переводе оригинальных фрагментов он снабжает переменные для высказываний в схемах стоиков глаголом. Условные высказывания К. Прантль выписывает, к примеру, следующим образом: «Wenn das Erste ist, ist das Zweite» [6, S. 473]. Он добавляет к каждой переменной слово *ist*, аналог которого нигде в дошедших фрагментах стоиков не встречается, и, таким образом, возможно не сознавая, преобразует логику высказываний стоиков в логику терминов, поскольку только термины могут быть осмысленно поставлены вместо *das Erste* и *das Zweite*. И здесь Лукасевич прав, так как бессмысленно приписывать высказыванию глагол. Это становится очевидно, если воспользоваться не словесным выражением числительных, как это есть у Прантля, а цифрами (как, например, поступает А. А. Столяров [8, с. 94]) или буквенными переменными (как со времён Г. Фреге принято в современной логике и как делает сам Прантль при передаче силлогизмов Теофраста [6, S. 382]), поскольку переменная ввиду наличия артикля может быть только переменной термина, но не переменной высказы-

вания. На неверную интерпретацию у Прантля логики стоиков указывает не только наличие у переменной глагола, что замечает Лукасевич, но и наличие артикля.

О плагиате идей стоиков у Г. Фреге через К. Прантля говорить явно не стоит в силу своеобразного понимания стоической логики у последнего. Однако ряд характерных особенностей логико-семантической концепции самого Г. Фреге позволяют предположить, что если он был знаком с работой Прантля, то влияние всё-таки могло быть. Но не со стороны собственно стоиков, а с точки зрения того, как их интерпретировал К. Прантль. И это касается как раз тех моментов, относительно которых его интерпретацию следует считать неверной, а именно использование артикля и глагола при переменных высказываний.

Одна из основных новаций Фреге в понимании структуры простых высказываний заключалась в проведении фундаментального различия между понятием и предметом, где первые трактовались как одноместные функции, а вторые — как то, что образует область определения этих функций. Поэтому он отвергал конструкцию « S есть P », характерную для традиционной логики, где S и P трактовались как термины, в пользу конструкции « $P(a)$ », где a рассматривалось как имя, а $P(\dots)$ — как предикатное выражение. Отличие первых от вторых в последнем случае связано с различием в категории знаков. Имена есть то, что указывает на самостоятельный предмет, а предикатное выражение является ненасыщенным, отражая соответствующую ненасыщенность функции как значения этого выражения. С точки зрения особенности использования языковых выражений это, в частности, связано с тем, что определённый артикль в единственном числе может сопровождать только имя предмета и, следовательно, указывать на предмет, но не предикатное выражение [9, с. 255]. Ещё более очевидным это становится при использовании многоместных предикатных выражений. Так, в случае « $P(a, b, c)$ » a, b, c являются именами и могут сопровождаться определённым артиклем, но не $P(\dots, \dots, \dots)$.

К особенностям логико-семантической концепции Г. Фреге, однако, относится и то, что повествовательные предложения он рассматривает как особого рода имена, построив номинативную теорию предложений [10]. В этом случае повествовательные предложения являются именами истинностных значений, на которые они указывают посредством выраженного в них смысла. Истинностные значения при этом рассматриваются как два абстрактных предмета *Истина* и *Ложь*, которые именуется повествовательными предложениями. Возможно, что на трактовку повествовательных предложений как имён Фреге в определённой степени натолкнуло то, что Прантль использует при переменных высказываний определённый артикль. И хотя сам Фреге при переменных предложениях артикль не использует, возможная аналогия здесь вполне просматривается. В рамках отношения наименования Фреге трактует отношение предложения к истинностному значению в точности как отношение имени посредством мысли к самостоятельному, пусть и несколько необычному, предмету.

Ещё одна аналогия затрагивает использование К. Прантлем глагола *ist* при переменных высказываний, что, по мнению Лукасевича, как раз и свидетельствует о том, что он трактует логику стоиков как логику терминов. Действительно, если переменная трактуется как переменная терминов, то она должна сопровождаться глаголом, поскольку условная связь возможна только между целостными предложениями, состоящими из подлежащего и сказуемого. При этом Прантль, по всей видимости, трактует глагол *ist* как выражающий существование, иначе как ещё можно трактовать условное высказывание «Если есть первое, то есть и второе»?

Поскольку Г. Фреге трактует повествовательные предложения как имена, то перед ним стоит тот же вопрос: «Что может быть глаголом при таком имени?» Ведь само по себе имя не может

трактоваться в качестве высказывания, поскольку оно может выступать только как выражение, дополняющее предикат, при общем подходе Г. Фреге, который предполагает различие между предметом и функцией. Хотя и на иных основаниях, нежели Прантль, поскольку речь о существовании здесь не идёт, так как смысл последнего исчерпывается квантором, Фреге вводит такой предикат, который приписывается всем именам истинностных значений. В качестве такого общего всем повествовательным предложениям предиката в своём искусственном языке логики Г. Фреге предлагает горизонтальную черту, записывая высказывания в следующем виде: « $-A$ », где A — переменная имени истинностного значения. « $-(\dots)$ » здесь указывает на функцию, значением которой является истина, если A является именем предмета *Истина*, и значением которой является ложь, если A является именем предмета *Ложь*. Таким образом, искусственно введённый глагол при имени истинностного значения обозначает истинностно-истинностную функцию. Характер действия такого глагола распространяется и на все сложные предложения, например условные, что отражается в соответствии с принятой в логической системе Г. Фреге своеобразной двумерной записью. В этом случае подобный глагол трактуется как обозначение функции более чем с одним аргументом. Таким образом, указанная аналогия предполагает, что на Г. Фреге могли оказать влияние хотя бы и не идеи самих стоиков, но то, как их понимал и изложил, пусть и неверно, К. Прантль, поскольку Г. Фреге трактует повествовательное предложение как имя и приписывает этому имени глагол.

Литература

1. Łukasiewicz J. Zur Geschichte der Aussagenlogik. *Erkenntnis* 5, 1935, S. 111–131.
2. Mates B. *Stoic Logic*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1961.
3. Barns J. Terms and Sentences. Barns J. *Logical Matters: Essays in Ancient Philosophy II*. Oxford: Clarendon Press, 2012, p. 433–478.
4. Gabriel G., Hülser K., Schlotter S. Zur Miete bei Frege — Rudolf Hirzel und die Rezeption der stoischen Logik und Semantik in Jena. *History and Philosophy of Logic* 30.4, 2009, p. 369–388.
5. Bobzien S. Frege Plagiarized the Stoics. *Themes in Plato, Aristotle, and Hellenistic Philosophy: Keeling Lectures 2011–2018*. Institute of Classical Studies, University of London Press, 2021, p. 149–206.
6. Prantl C. *Geschichte der Logik im Abendland*. Bd. 1. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1855.
7. Gahér F. Naozaj Frege plagizoval stoikov? *Filozofia*, roč. 76, č. 7, 2021, s. 499–520.
8. Столяров А. А. *Стоя и стоицизм*. Москва: АО Ками Групп, 1995.
9. Фреге Г. О понятии и предмете. Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. М.: Аспект Пресс, 2000, с. 253–262.
10. Фреге Г. О смысле и значении. Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. М.: Аспект Пресс, 2000, с. 230–246.